

«Советская культура»
1961, 10 октября

В РИТМЕ А Т А К И

ЕСТЬ спектакли, жизнь которых заканчивается с финальным занавесом. Пока вы смотрите, улыбаетесь, быть может, сочувственно грустите. Но вот представление окончилось, актеры откланялись, в зале зажгли свет, и вы идете в гардероб. И вам уже ничто не мешает думать о чем-то совершенно постороннем, не имеющем никакого отношения к только что просмотренному спектаклю. Да, театр, безусловно, начинается с вешалки... Плохо, если он там же и кончается.

А есть иные спектакли. Их вторая, куда более длительная жизнь начинается тогда, когда вы покидаете зрительный зал. Волнения возникают у вас вместе с неотступными воспоминаниями о виденном, и вы еще много раз переживаете весь ход событий, и судьбы людей, с которыми вы познакомились, вас по-прежнему волнуют и трогают. К таким вот именно спектаклям можно с полным правом отнести «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского, поставленную Киевским украинским академическим театром имени И. Франко.

Поставить «Оптимистическую трагедию» вообще нелегко. Поставить и избежать подражания уже имеющимся, можно сказать, классическим образцам особенно трудно. И если это удалось франковцам, то потому, что желание быть во что бы то ни стало оригинальными занимало их меньше всего. Ведь известно — нарочито оригинальным не будешь. Гораздо важнее всего прочего и решающим было стремление франковцев раскрыть оптимистическую трагедию в полном, многогранном, обобщающем и конкретном значении этих слов, послуживших главным пьесы. Отсюда богатство и сложность каждого персонажа спектакля, многозначительность подтекста и естественная простота поведения, лирические интимные ноты и обжигающий пафос страстных столкновений. Отсюда подлинная ансамблевость, множество актерских удач и среди них наиболее важные и определяющие успех всего спектакля — Ю. Ткаченко, П. Морозенко и П. Сергненко в ролях Комиссара, Алексея и Вожака.

Удивительным, немыслимым контрастом выглядит появление на борту анархического корабля Комиссара — Ю. Ткаченко. Да она сама как бы состоит из контрастов — «комиссарская» кожаная куртка и прозрачный газовый шарфик на шее; волевая, твердая походка и необычайная женственность и грациозность, тяжелые, мучительные раздумия и какие-то удивительные лукавство, задор, мы даже сказали бы, озорство, если бы не боялись недоумеваящих реплик: как, дескать, комиссар может быть озорным? А представьте, может. Озорным, конечно, не в обычном бытовом значении этого слова, а в том романтическом «упоении в бою», которое испытывает человек, когда жизнь его целиком, без остатка отдана делу, когда даже «смерть бывает партийной работой», когда бесстрашие — не доблесть, а норма постоянного поведения. Роль Комиссара, которая в конечном счете сводится к утверждению высокого партийного долга, живущего и зовущего на подвиг даже тогда, когда вражья сила сокрушила самого человека, сыграна Ю. Ткаченко ярко, талантливо и убедительно.

Внутренняя экспрессия, стремительность натиска — вот черты, которыми с самого начала привлекает П. Морозенко в роли Алексея. Он как бы переполнен мятежными думами о происходящем; они бурлят в нем, выплескиваются наружу иронические остроты вопроса, репликами, восклицаниями. Но не только в этом обаяние созданного образа.

Есть в спектакле сцена пе-

ред расстрелом Вожака. Комиссар читает приговор, которого на самом деле еще нет. Она на ходу сочиняет его. Алексей — Морозенко берет у нее лист бумаги. Смотрит. Там ничего не написано. Медленно переворачивает лист. Там тоже ничего нет. Молчит в оцепенении Вожак. Застыла в молчаливом ожидании вся команда. Молчит Алексей. Он смотрит Комиссару прямо в глаза. Комиссар тоже молчит. Это молчание, от которого леденеет кровь в жилах и седеют виски. В течение нескольких мгновений между Комиссаром и Алексеем происходит молниеносный молчаливый диалог, который не выразить словами. Сейчас, кажется, случится что-то немыслимое... Это подлинная кульминация спектакля. Алексей разряжает грозную насыщенность сцены словами: «Написано, как сказано». Единодушный возглас облегчения вырывается не только у матросов, но и у зрителей. В том числе и у тех, кто видит «Оптимистическую трагедию» не первый раз. В чем здесь дело? В том знаменитом актерском «чуть-чуть». Передержи исполнитель паузы, сделай он лишнее движение, подобие движения, жест, и вся сцена пропала бы. Но в том-то и дело, что ничего лишнего здесь нет. Лишнее все отсечено.

Как-то совершенно по-новому сыгран Вожак П. Сергненко. Это умудренный опытом, много повидавший и немало познавший человек. Широкоплечий, крепкий, в очках — его легко представить себе не только здесь, среди разбушевавшихся моряков, но и на трибуне, агитирующим. Отчего же нет? Он знает, чего он хочет. Крепко знает. У него под это свое хотение подведена теория. И тем он опаснее. И тем значительнее победа над ним Комиссара.

Похвалы заслуживают исполнители ролей Первого и Второго Ведущих С. Фещенко и К. Кульчицкий. Написанный раскаленным пером текст Ведущих под стать актерским темпераментам исполнителей, их стремлению врезаться своим рассказом в сердце, в душу, в мысли каждого зрителя. Каждого.

Превосходны и колоритны фигуры Боцмана в исполнении Д. Милютенко и Вайнонена (А. Омельчук).

Многое можно бы сказать о режиссерской работе Л. Варпаховского. Но мы скажем самое главное. Спектакль очень эмоционален. Он быстро вводит зрителей в мир своих образов, слов, ритмов. Вместе с художником Д. Боровским, композитором В. Рождественским и всем коллективом исполнителей режиссер создает сценическую атмосферу, насыщенную дыханием событий гражданской войны, подчеркивает масштаб авторского замысла.

Весь спектакль идет как наступление, как сплошная атака. Она начинается словами: «Отложите свои вечерние дела. Матросский полк, прошедший свой путь до конца, обращается к вам — к потомству», — которыми Ведущий «атакует» зрителей, и заканчивается призывом Комиссара: «Держите марку военного флота», в котором тоже слышится команда — в атаку! Принцип этот незримо лежит в основе всего постановочного замысла, определяя его ритм и форму.

И в заключение — историческая справка. Двадцать восемь лет назад «Оптимистическая трагедия» была впервые сыграна Киевским русским драматическим театром. Обойдя полмира, она снова вернулась в Киев, в знаменательные дни, предшествующие XXII съезду КПСС.

Киевский государственный украинский театр имени Ивана Франко, поставив «Оптимистическую трагедию», сделал великолепный подарок съезду нашей родной партии.

Д. МЕДВЕДЕНКО.